

В. А. ФИГАРОВСКИЙ

I

До сего времени русско-шведская война начала XVII века, закончившаяся Столбовским мирным договором, очень слабо освещена в нашей исторической литературе. По существу специального исследования, охватывающего весь вопрос в целом, на русском языке нет. Имеется всего несколько работ, изданных до революции, освещающих те или иные стороны русско-шведских отношений за годы 1611—1617. Более подробно разбираются эти вопросы шведской исторической литературой, но шведские историки, за исключением Альmqвиста, не пользовались русскими источниками. Печатаемая впервые в настоящем Сборнике грамота новгородских бояр к московским от января 1615 года дает возможность не только уточнить ряд моментов из взаимоотношений Швеции и России в начале XVII века, но и уяснить политику новгородских бояр за время шведской оккупации Новгорода. А если учесть, что от позиции, которую занимали новгородцы во время шведской оккупации, в значительной степени зависели русско-шведские отношения этого времени, то станет ясна необходимость специального изучения этой грамоты.

Для правильного понимания, на основании содержания самой грамоты, исторических событий, о которых в ней говорится, необходимо прежде всего четко установить, в какой обстановке и с какой целью она была написана.

11-го января 1615 года новгородские бояре и духовенство, с согласия шведского резидента фельдмаршала Эверта Горна, вынесли приговор о посылке в Москву посольства для переговоров „о мирном постановеньи“.¹ Официально задача посольства в Москву заключалась в том, чтобы склонить правительство Михаила Федоровича Романова к заключению со Швецией мира.

¹ Список с приговора от 11 января был привезен в Москву посольством Киприяна и хранится в Г. А. Ф. К. Э. „Шведские дела“, 1615 г. № 2.

Но этим далеко не исчерпывались цели посольства. Они станут понятны только при выяснении того весьма трудного положения, в котором оказались новгородцы к началу 1615 года.

Размер статьи не позволяет нам подробно останавливаться на этом весьма интересном вопросе, и поэтому укажем только на несколько наиболее ярких моментов. Прежде всего, в 1614 году резко изменяется отношение шведов к новгородцам. В 1611—1613 гг., когда шведский король Густав-Адольф располагал некоторыми шансами на получение русского престола сначала для себя, а потом для своего брата, Карла-Филиппа, командующий шведскими войсками в Новгороде Делагарди стремился завоевать симпатии новгородцев к шведским властям. Для этого в первые годы с Новгорода взымались весьма небольшие поборы. Из «росписи новгородским храмам» и книги с подробной записью шведских поборов в Новгороде и пригородах с 1611 по 1615 г.,¹ доставленных в Москву в августе 1615 года от архимандрита Кирияна через службу Хутынского монастыря Осташка Буравцова, мы видим, что все поборы шведов с новгородцев в 1612 году, включая сюда и подарки, составили всего 510 руб. 24 алтына, да несколько соборей и расшитая золотом и серебром ширинка.

Помимо такой мягкой налоговой политики Делагарди, в тех же целях, не допуская самовольства и всяких притеснений со стороны шведских гарнизонов по отношению к местным жителям. Об этом свидетельствует его письмо, от 20 ноября 1613 года, к поручику Якову Тубалу,² в котором Делагарди, на основе жалобы десавских крестьян, предлагает поручику вернуть крестьянам лошадей, отобранных у них его рейтарами. Боярство и дворянство Делагарди старался привлечь на свою сторону земельными пожалованиями. Сохранилось целое дело о земельных пожалованиях новгородским дворянам и боярам при господстве шведов в Новгороде.³

Симпатии новгородских купцов завоевывались предоставлением им льгот в торговле со Швецией. Наконец, отсутствием в начале преследования православной церкви также должно было вызвать симпатии к шведам.

¹ Об этой росписи храмам и книге поборов упоминает Кириян на расспросе в Москве, обещая доставить их правительству Михаила Федоровича. Своё обещание он выполнил. Подлинники хранятся в Г. А. Ф. К. Э. «Шведские дела», 1615 г. № 7.

² Это письмо было пережвачено казаками, нанятыми со стороны шведского воеводы. Хранится в Г. А. Ф. К. Э. «Шведские дела», 1613 г. № 3.

³ Доп. к Акт. Истори, т. 1, № 40.

Но в 1614 году политика шведов в Новгороде существенно меняется. Густав-Адольф, после провала попытки добиться русского престола для Карла-Филиппа, пытается присоединить Новгород к Швеции. Для этого он с одной стороны стремится заставить новгородцев присягнуть ему (об одной такой попытке говорится в грамоте), а с другой, посылает Делагарди подкрепление для отпора наступающему на Новгород из Торжка князю Трубецкому. Сам он едет в Финляндию с тем, чтобы лично руководить организацией сил, сбором продовольствия и военного снаряжения для шведских войск. Шведы решают удержать за собой оккупированную область силой оружия.

Развитие военных действий увеличило потребность в деньгах и продовольствии на содержание возросшего числа шведских войск. В связи с этим шведские поборы с новгородцев сильно растут. В указанной выше книге записей шведских поборов сказано: «И всего выдано денег с Яковлева взятых 123 год апреля по 30 число 1667³ рублей 24 алтына»,⁴ т. е., за последние 1 год 4 месяца собрано в 24 раза больше, чем за 1612 год. К тому же перспективы, в этой области, для новгородцев были еще хуже.

В ответе на челобитную новгородцев о снижении налогов Густав-Адольф в конце 1614 года прислал письмо от 28 сентября, в котором откровенно заявляет: «а пока московичи с нашим величеством воюют и вам по своему крестному целованию помогать, чем свое отечество обороняют и за то всякому по своей мочи и силе не шадити голов своих и имения своего».⁵

Монастыри и церкви подвергаются разорению. В той же самой росписи новгородским церквям, присланной от архимандрита Кирияна, приводятся данные о сожженных шведами церквях. Перечисляя все новгородские монастыри и церкви, Кириян в заключении пишет: «А все те монастыри и храмы выжжены и разорены. Каменные... развезены на печи и на дымници, а деревянные храмы развезены на дрова и в копошки и в поварни».⁶

Конечно, здесь налицо значительное преувеличение. Большинство указанных сооружений существует и поныне, но общая картина достаточно ясна. К тому же в Новгороде, отрезанном от южных районов, откуда обычно доставлялся хлеб, усиливается голод. Голод привал такие размеры, что даже Эверт Горн в своем письме в январе 1615 года

⁴ Г. А. Ф. К. Э. «Шведские дела», 1615 г. № 7.

⁵ Д. в А. И. т. 2, № 24.

⁶ Г. А. Ф. К. Э. «Шведские дела», 1615 г. № 7.

к Густаву-Адольфу, указывает на случаи самоубийства на почве голода и просит прислать продовольствия¹.

На почве голода развивались эпидемии. В письме к Густаву-Адольфу Эверт Горн в апреле 1615 года пишет: «так что около 8 тысяч человек умерло здесь в городе, кроме Юрьева монастыря, с последнего сентября месяца... и еще ежедневно умирает по 30, 40 и 50 человек...»²

Наконец, следует отметить, что и расчеты на оживление торговли со Швецией не оправдались. Иван Филатов, привезший в феврале 1614 года Трубецкому грамоту от новгородцев, в расспросе показывает: «и прибыльных людей ни откуда к Якову Пунтусову не чаять».³

Потеряв, или почти потеряв, надежду на добровольное присоединение Новгорода к Швеции, шведские оккупанты сбрасывают с себя маску защитников Новгорода и показывают свое действительное лицо — лицо обыкновенных завоевателей. Лучшей иллюстрацией того положения, в котором оказались новгородцы под властью шведов к концу 1614 года, является следующее место письма Эверта Горна к Густаву-Адольфу от 12 декабря 1614 года: «Я нашел их чрезвычайно разочарованными сравнительно с прежним, что можно заметить в их речах, почему можно опасаться, что у них существуют какие-нибудь сношения с врагом, к чему имеются достаточные признаки, и (они) почти вынуждены делать это из-за больших поборов с них. Потому что у них ничего больше не осталось кроме жизни, и однако их ежедневно бьют и дурно обращаются с ними, так что шесть человек недавно покончили самоубийством, и часть бежала, бросив жен и детей».⁴

Вот это положение новгородцев под властью шведских оккупантов и надо учитывать прежде всего при рассмотрении причин и целей посольства Киририя в Москву. Но положение новгородцев определялось не только действиями шведов, оно зависело еще и от положения во всем Московском государстве, и от той политики, которую стало проводить по отношению к Швеции и Новгороду правительство Михаила Романова.

В Новгороде в начале XVII века, повидимому, никто уже серьезно и не думал о возможности восстановления былой новгородской независимости. По крайней мере все попытки

¹ Г. Форстен, Политика Швеции в смутное время, Ж. М. Н. Пр. 1889 г., октябрь, стр. 204.

² Сборник Новгородского Общества Любителей Древности, вып. V, стр. 50.

³ И. А. Ф. К. Э. «Шведские дела», 1614 г. № 1.

⁴ Сб. Новг. Общ. Люб. Дрвн., вып. V, стр. 38.

Карла IX возбудить дух новгородской независимости не принесли существенных результатов.¹

Новгородцы ясно отдавали себе отчет, что при наличии таких сильных соседних государств, как Московское, Польское и Шведское, независимому Новгородскому государству не бывать. Эту мысль четко выразили новгородские послы в Выборге. На вопрос Горна: «какие средства в их власти, если придется вести войну и с поляками, и с москвичами, и с владимирцами», послы отвечали, что если шведский король не поможет на случай такой войны, то они обречены на гибель».²

Новгородцам надо было выбрать между Москвой и Швецией.

Но сила экономических, политических и национальных связей Новгорода с Москвой уже к тому времени была достаточно велика, и широкий подъем национально-освободительного движения, имевший своим результатом освобождение Москвы от поляков, не мог не найти своего отклика в широких слоях населения Новгорода.

Наконец, поход на Новгород большого отряда князя Д. Т. Трубецкого, с целью изгнания шведов с оккупированной ими территории, ясно показал новгородцам, насколько укрепилось положение в Московском государстве, и что правительство Михаила Романова, решив силою вернуть Москве Новгород, располагает для этого значительными ресурсами. Все это определило позицию даже тех слоев новгородского боярства и купечества, которые ранее ориентировались на Швецию. И в январе 1614 года новгородцы отказались от унии со Швецией.

Выбор был сделан.

Но при тех обстоятельствах, в каких находились новгородцы, мало было сделать выбор, предстояло выпутаться еще из очень трудного положения. По существу они оказались между молотом и наковальней. Правительство Михаила Федоровича в конце 1613 года и в начале 1614 года безусловно рассматривало новгородцев, как изменников.³

¹ Г. Форстен, Политика Швеции в смутное время, Ж. М. Н. Пр. 1889 г., февраль, стр. 337.

² Г. Форстен, Политика Швеции в смутное время, Ж. М. Н. Пр. 1889 г., октябрь, стр. 195.

³ Это подтверждается следственным делом приказного стола Разрядного приказа за 1614 год «О сношениях Ратмана Вельяминова воеводы в полку князя Трубецкого, князя Андрея и Григория Шаховских, с дядей последних новгородским изменником Кожмятинным князем Андреем Константиновичем Шаховским». На всем протяжении следствия новгородцы назывались изменниками.

Уже самый факт отправки на Новгород отряда Д. Т. Трубецкого без всяких предварительных переговоров, достаточно показателен, а задержка в Москве новгородских посланников, архимандрита Дионисия „с товарищи“, и оставление без ответа их грамот, ясно показывало новгородцам, за кого их принимают в Москве.

Да и как было в Москве не считать их изменниками, когда отряды новгородцев вместе со шведами участвовали в боях с русскими под Тихвином — в 1613 году и под Гдовом — в 1614 году.¹

С другой стороны и шведы, в связи с отъездом ряда новгородских дворян к Москве и отказом новгородцев присягнуть Густаву-Адольфу, тоже стали рассматривать их как изменников, которые не выполняют заключенного и вторично подтвержденного договора между ними и Делагарди.²

Вот общая картина положения новгородцев к 1615 году. И в таких условиях новгородскому „собору“, т. е., группе боярства, высшего духовенства, представителей дворян и купцов надо было действовать так, чтобы добиться не только прекращения войны Московского государства со Швецией и освобождения Новгорода от шведов на основе мирного договора, но и получить у Московского правительства определенные гарантии, страхующие их от возможных репрессий, которые последнее, после возвращения Новгорода Москве, могло бы применить к ним. Надо было доказать, что новгородцы никогда не изменяли Московскому государству. К тому же, разрешать эти задачи необходимо было так, чтобы не вызвать нового обвинения в измене со стороны шведов, а следовательно и дальнейшего ухудшения установленного оккупантами режима.

Для разрешения этих задач и посылались посольство Киприяна в Москву и составлялась разбираемая нами грамота, которая, будучи адресована фактическим правителям Московского государства, являлась основной из грамот, приведенных посольством.

Следует учесть и еще одно весьма важное обстоятельство, а именно: как организация посольства, так и составление грамоты происходило с ведома и под контролем тогдашнего фактического хозяина Новгорода — шведского

¹ Об этих фактах, как и о подробных им подтверждающих верность новгородцев Карлу-Филиппу, подробно говорится в челобитной Исидора и Овеевского к Густаву-Адольфу, посланной в конце 1614 года. Д. к. А. Ист., т. 2, № 21.

² См. „Предложение фельдмаршала Эверта Горна новгородским земским чинам о присяге к Густаву-Адольфу“. Доп. к Акт. Ист., т. 2, № 12.

фельдмаршала Эверта Горна. Следовательно, и в самом факте посольства и в содержании грамоты должны были сказаться шведские интересы. Не занимаясь подробным анализом, сформулируем кратко, какие основные интересы Швеции учитывал Эверт Горн при отсылке в Москву посольства Киприяна.

Густав-Адольф, учитывая истощение Швеции в результате многолетних войн и предстоящую борьбу со странами центральной Европы, уже в 1614 году стремился к заключению мира с Московским государством, о чем и дал соответствующие инструкции Эверту Горну 22 апреля³ и в октябре 1614 года.⁴

Из этих же инструкций видно, что Густав-Адольф стремился при заключении мира сохранить за Швецией всю оккупированную шведами территорию и к тому же получить солидную контрибуцию.

Для обоснования своих требований он выдвигал тезис о том, что сами русские не только позвали себе на помощь шведские войска, но и пригласили затем Карла-Филиппа на русский престол. После же, нарушив свои решения, избрали на престол другого царя и вместо благодарности неожиданно напали на шведов, начав с ними необоснованную войну. В целях создания лучшего положения при мирных переговорах шведы стремились к тому, чтобы предложение начать переговоры принадлежало русским.⁵

Таким образом Эверт Горн, соглашаясь, а возможно даже и подталкивая новгородцев на организацию посольства Киприяна, имел целью через них выдвинуть основной шведский тезис, что виновной стороной в конфликте является московское боярство, через них же попытаться добиться, чтобы правительство Михаила Федоровича первое официально предложило начать мирные переговоры. Как видно, эти интересы шведов очень близки целям, стоявшим перед новгородским правительством в начале 1615 года, чем и объясняется самый факт посольства Киприяна.

Конечно, следует иметь в виду, что интересы шведов и новгородского правительства в области сношений с Московским государством совпадали далеко не полностью, и последнему, при составлении грамоты, пришлось кое в чем поступиться. Поэтому в ней мы не найдем ряда фактов, гово-

³ Сборник Новгородского Общества Любителей Древности, вып. V, стр. 26—37.

⁴ Там же, стр. 40—44.

⁵ Челобитная Якова Бобрыкина к царю Михаилу Федоровичу. См. у Г. Замiatина: К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол, стр. 137.

рящих о росте стремления новгородцев в последнее время шведской оккупации освободиться от власти шведов.

После этих предварительных замечаний перейдем теперь к разбору содержания грамоты.

II

Первый из крупных исторических фактов, освещаемый в грамоте, это — факт взятия Новгорода Делагарди 16 июля 1611 года и заключение договора между ним и новгородцами о приглашении на русский престол одного из двух шведских королевичей. В грамоте делается упор на то, что при сдаче Новгорода и заключении договора с Делагарди новгородцы руководствовались приговором, составленным в ополчении Ляпунова. Непосредственным же виновником падения Новгорода грамота выставляет воеводу Василия Бутурлина, присланного в Новгород от Прокония Ляпунова. Получив приговор от Ляпунова об избрании ополчением на русский престол шведского королевича и указание договориться об этом со шведами, Бутурлин вел переговоры так, что только раздражал последних, чем и вызвал наступление шведов, а во время штурма города не защищал, но, ограбив, ушел из него, оставив Кремль без ратных людей. Оставшись без вооруженной силы, боярин и воевода князь Иван Одоевский и митрополит Исидор вынуждены были сдать Кремль Делагарди и, „припоминая тот с Москвы к нам присланный приговор за руками“, подписать договор о приглашении „на Новгородское государство, также, буде похотят, на Владимирское и на Московское государство, государем царем и великим князем всея Руси“ одного из двух шведских королевичей.

Верно ли грамота освещает эти события? Мы полагаем, что указанные в грамоте факты действительно имели место, но в ней пропущен целый ряд моментов, и поэтому освещение получалось тенденциозным. Что приговор об избрании шведского королевича на русский престол был составлен в ополчении Ляпунова и что о его реализации вел переговоры со шведами Василий Бутурлин, не вызывает сомнений, хотя царская официальная историография и отрицает данный факт. Эта позиция дворцанской историографии совпадает с официальными утверждениями правительства Михаила Романова, сделанными им при переговорах с Англией, которыми категорически отрицается существование приговора Ляпунова об избрании шведского королевича на русский престол.¹

¹ Наказ послу Михаила Федоровича в Англии дворянину Эвзиму Г. А. Ф. К. Э. „Шведские дела“, 1613 г. № 1.

В работе Г. Замятиня „К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол“ наличие этого приговора доказывается ссылками на ряд документов, в том числе как и на публикуемую теперь грамоту, так и на ответ на нее московских бояр, в котором факт получения новгородцами приговора Ляпунова не отрицается. Доказательства Замятиня можно дополнить указанием на переписку новгородцев со шведами, в которой неоднократно обе стороны ссылаются на этот приговор.¹

Указание грамоты на то, что Василий Бутурлин, ведя переговоры со шведами о королевиче, занимал двойственную позицию и при штурме шведами Новгорода не только не оказал должного отпора, но, ограбив город, ушел из него, подтверждается большинством из указанных выше источников, а также новгородской летописью² и сообщением участника штурма Новгорода Матвея Шаума.³

Но грамота не освещает другой стороны дела. Чем была вызвана такая двойственная политика Бутурлина, почему новгородцы согласились с приговором Ляпунова и не защищались в Кремле и на Торговой стороне? Ведь при наличии желания защищаться они могли в хорошо укрепленном Кремле выдержать длительную осаду. Однако попытки дать должный отпор шведам сделано не было, и, как писали об этом в ответ новгородцам московские власти, „ни мало есте ни посидели в осаде в каменном городе“.⁴

Прежде всего разберем вопрос, все ли новгородцы были за соглашение со шведами. В Новгороде, как и в других городах, в 1610—1611 гг. еще шла ожесточенная борьба городской бедноты, а в селах — крестьянства, против бояр и дворян. Для них шведы были не только внешними врагами, завоевателями, но они являлись и классовыми противниками, так как при их помощи Василий Шуйский пытался подавить крестьянскую войну и городские восстания. Еще при переговорах Скопина-Шуйского со шведами новгородская беднота пыталась воспрепятствовать им, а „меньшие“ люди Пскова, согласно слов летописца, заявили своему воеводе Шереметеву в 1608 году: „немцев не хотим и за то помрем“, и при известии о при-

¹ Док. к Акту Ист., № 12, 20, 21, 32.

² „Новгородские Летописи“, изд. Археографической комиссии, Петербург, 1879 г., стр. 354—357.

³ Матвей Шум. Подлинная история чудных и достопамятных происшествий, случившихся со Леонидом, великим князем Московским, от начала до конца. Также и о том, что между тем происходило в шведской армии, при взятии Великого Новгорода. Читая в Обществе Истории и Древностей Росс., 1847 г., кн. 2.

⁴ Г. А. Ф. К. Э. „Шведские дела“, 1615 г., № 2.

близости шведов подняли восстание против „лугчих людей“, устала в город тушинского воеводу Федора Плещеева и целовали крест второму самозванцу.

Летописи настолько ясно говорят об этих причинах борьбы городской бедноты Новгорода и в особенности Пскова против шведов, что даже С. Соловьев, который излагает эти события по летописным данным, вынужден был указать на них.¹

Не следует забывать, что в результате восстания „меньших людей“ 300 человек детей боярских и „лугчих людей“ бежало из Пскова в Новгород. События в Пскове, да, повидимому, и эти самые бежавшие из Пскова „лугчие люди“ оказали значительное влияние на позицию новгородского боярства, дворянства и купечества по отношению к шведам.

В шведских войсках они видели гарантию от повторения в Новгороде псковских событий. И на случай то, что Деллагарди, в то время, когда он стоял под Новгородом, получал от новгородских купцов продовольствие. Если мы обратимся к самому договору от 16 июля, то там найдем ряд пунктов, указывающих на те классовые интересы, которыми руководствовались при его заключении новгородские бояре и дворяне.

Вот некоторые из них: „Бояре, дворяне, боярские дети, стрельцкие и казачские головы, атаманы и казаки вместе со всякого рода ратными людьми, получившие за свою службу от прежних великих князей вотчины или землю, а также годовое жалованье деньгами, все эти бояре, дворяне, дьяки, боярские дети и всякого рода воинские чины, — сохраняют свои вотчины, земли и жалованья“... „Вообще мы должны жить в наших родовых и жалованных поместьях, в наших домах, получать свои доходы и попрежнему управлять нашими крестьянами“... „Слуги, которые раньше служили боярам, как крепостные и всякого рода челядь, не должны получить свободу, и вообще в Русском государстве все должно идти по старине, согласно книге законов“.²

А после этих пунктов идут такие строки: „Привинмаем мы этот договор от могущественного короля Карла IX и от его наследника ради его покровительства, чтобы он защищал нас от наших врагов“.

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. VIII, стр. 202.

² Сборник Новгородского Общества Любителей Древности, вып. V, стр. 7—8.

О том, что под врагами новгородские власти понимали не только поляков, говорит следующее место договора: „остальных же ратных людей (Яков Деллагарди) пошлет приводить в повиновение непокорные крепости, с тем, чтобы подчинить их власти державного принца и Новгородского государства“. Речь здесь идет в первую очередь об Илангорде и Пскове, которые в то время признавали только самозванца. Да и в самой разбираемой нами грамоте бояре пишут, что Густав Акольф защищал „Новгородское государство ото всяких недрузей польских и литовских и русских людей“. Этими же классовыми мотивами объясняется и двойственная политика В. Бутурлина. Сам он был ярким сторонником шведов и инициатором переговоров между Деллагарди и ополчением Ласунова,¹ окончившихся вынесением советом ополчения приговора об избрании на русский престол шведского королевича. Почему же, получив этот приговор и указания о ведении переговоров со шведами, за его основе, он не заключил с ними договора вроде цитированного выше. Понять это можно только, если мы учтем состав и настроение тех казаков, которыми командовал Бутурлин. Значительная часть казачества был из беглых крестьян, и у них со шведами были свои особые счёты. Достаточно вспомнить действия шведов в отряде Скопина-Шуйского против тушинского самозванца.

Данные Новгородской третьей Летописи также говорят за то, что часть казаков Бутурлина не только была настроена против шведов, но и защищала от них Новгород весьма упорно; вот это место: „едине же помроша мучнической смерти, битюшеса за православную христианскую веру: голова стрелецкой Василий Гаутин да дьяк Афиногей Коленишев да Василей Орлов да атаман казачей Тимофей Шаров, да с ними же 40 человек казаков, те помроша вкуне; многою статьею их немцы прельщашу, чтоб они здалися, они же не здашеса, (и) все помроша за православную христианскую веру“.²

При таком настроении своих казаков Бутурлин не рискнул заключить договор со шведами, но, разыграв роль защитника Новгорода, своими действиями создал такую ситуацию, при которой новгородские бояре, стоявшие за союз со шведами, могли заключить с ними договор, не опасаясь сопротивления городской бедноты и возможных обвинений в измене интересам Московского государства.

¹ Замытин Г. К вопросу об избрании..., стр. 15—18.

² „Новгородские Летописи“, стр. 355—356.

Интересно, что цитируемая выше Новгородская Летопись квалифицирует действия Бугурлана, как измену. „Воевода же Василий побежал из града со своею ратню, понеже по его злому совету и умышлению взят бысть град и Софийская страна разорена“.

Наконец, необходимо отметить еще одно обстоятельство, проливающее свет на причину сдачи Новгорода шведам, а именно: согласно латинского перевода договора, опубликованного в истории Видекнада (перевод с которого помещен во втором томе „Собр. гос. гр. и договоров“), новгородцы подписали договор 11 июля, т. е., за пять дней до штурма Делагарди Новгорода. В Сборнике Новгородского Общества Любителей Древности помещен перевод с копии договора на немецком языке, снятой 25 июля 1611 года. Немецкий переписчик сделал пометку: „копия с подтверждения, которая Новгородского государства святейшим митрополитом Исидором... вручена е. кор. вел. боярину и воеводе Якову Пунтусовичу Делагарди — 1611 года 16 июля“. Все эти факты говорят с очевидностью о том, что новгородское боярство, дворяне и купцы не только не хотели дать отпор шведам, но, наоборот, искали с ними союза и допустили в Новгород с тем, чтобы при помощи шведских войск подавить восстание крестьян и городской бедноты, а также воспользоваться ими для охраны Новгорода от набегов польских отрядов.

Это была крупная ошибка, за которую пришлось впоследствии расплачиваться не только новгородцам, но и Московскому государству в целом. Действительно, в Новгороде власть не учла, что в стране уже поднималось мощное движение против польских интервентов, которое и привело к тому, что через год с небольшим Москва была очищена от поляков. И, когда в 1615 году новгородцам пришлось держать ответ перед правительством Михаила Романова, которое само образовалось в результате удачного использования партией Романовых этого подъема освободительного движения, то вполне понятно, что они попытались факт преднамеренной сдачи ими Новгорода всячески затушевать и тем самым снять с себя ответственность за печальные последствия этого факта, полностью переложив свою долю вины на В. Бугурлана и первое ополчение.

III

Посмотрим теперь, как грамота излагает последующие события: переписку новгородцев со вторым ополчением и сношения их со шведами по вопросу об избрании рус-

ским царем шведского королевича Карла-Филиппа. Освещаются эти события так, чтобы показать, что новгородцы и в это время защищали интересы Московского государства, выполняя директивы Пожарского и Трубецкого, предпринимая дальнейшие шаги в целях возведения на русский престол Карла-Филиппа не только с ведома и согласия второго ополчения, но и по заданию его руководителей. „И мы господа всех чинов люди... по тем ссылочным грамотам... о государе королевиче бити челом посылали“. Грамота подчеркивает как большую заслугу новгородцев перед Московским государством то, что, в результате переговоров с Делагарди, последний „побивал“ многих „польских и литовских людей“.

Разберем, соответствует ли исторической действительности такое освещение тактики новгородского правительства в первый год после сдачи Новгорода шведам. Переговоры новгородцев со шведами и вторым ополчением подробно описаны в работе Замятина¹, но он стоит в основном на позициях формально юридических и поэтому не вскрывает полностью основных мотивов действий новгородских властей. Прежде всего следует вскрыть попытку новгородцев подтасовать факты, что они делают довольно искусно. 26 июля 1612 года из Ярославля в Новгород было послано посольство Секерина, который привез с собой грамоту от совета второго ополчения.² В ней Пожарский, подтверждая верность второго ополчения приговору Лянунова об избрании на русский престол шведского королевича, пишет дальше: „и вам бы, великому господину Исидору митрополиту, и боярину и воеводе князю Ивану Никитичю, и всех чинов людям, послати к Свейской государыне королеве и сыну ее Густаву-Адольфу королю, чтоб королева пожаловала сына своего, а Густав-Адольф король брата своего королевича князя Карла-Филиппа в Новгород отпустили. А пока до прибытия королевича быть новгородцам со вторым ополчением „в любви и совете“ и против поляков стоять вместе за один“. Вот на эту грамоту и ссылаются новгородцы.

На самом же деле посольство к Густаву-Адольфу, для приглашения Карла-Филиппа занять Новгородский и Московский престол, было послано не на основе этой грамоты от 16 июля 1612 года, а гораздо раньше, 25 декабря 1611 года. Следовательно, в это время новго-

¹ Г. Замятин. „Новый летописец“. О сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 году. Ж. М. Н. Пр. 1914 г., март.

² Д. к. А. И., т. I, стр. 164.

родцы действовали самостоятельно, не имея директив ни от первого ополчения, которое в то время уже распалось, ни от второго, еще тогда не оформившегося. Правда, попытка получить таковые от Москвы, видимо, была. У нас нет оснований отрицать факт, указываемый в грамоте о посылке из Новгорода под Москву со списком договора от 16 июня Дмитрия Зеленина. И хотя об этом мы не находим прямого подтверждения в других документах, но сохранились указания о посылке новгородцами грамот в северные города с извещением об их договоре со шведами. Безусловно, новгородцы, заключив договор со шведами, стремились добиться признания своего кандидата на русский престол как Москвой, так и другими городами. Не следует упускать из виду и того, что новгородцы подписали договор не только от своего имени, но и от имени Московского государства и включили в него следующий пункт: „Ради этого, мы, бояре, дворяне, всякого рода военные чины и всякого звания люди Московского и Новгородского государства, положили немедленно послать наших послов к могущественному королю Карлу“. Этим и объясняется посылка под Москву Зеленина, во ему своей миссии выполнить не удалось и о дальнейшей его судьбе ничего неизвестно.

Возможно, что ожидание ответа из-под Москвы (которого так и не дождался) на грамоты, посланные с Зелениным, и послужило причиной отправки в Швецию посольства Никандра только в декабре 1611 г., а не раньше. Помимо этого имеется еще ряд фактов, опровергающих утверждение грамоты, будто в вопросе об избрании Карла-Филиппа на русский престол новгородцы только выполняли указания Пожарского, и говорящих о том, что новгородцы активно боролись за своего кандидата. Прежде всего укажем на посольство новгородцев в Ярославль 8 июня 1612 года. Хотя оно и было послано на основе просьбы совета второго ополчения прислать послов „для прямого ведома и договору“.¹ Но те грамоты, которые привезли с собой новгородские послы, — игумен Геннадий „с товарищи“, — и их речи во время переговоров в Ярославле не оставляют никаких сомнений в позиции новгородцев.

В грамоте они пишут о согласии Густава-Адольфа и его матери отпустить на Новгородское государство королевича Карла-Филиппа, ссылаясь на письмо короля от

8 апреля 1612 года. Но на самом деле в письме этого нет и не могло быть, так как до октября 1612 года сам Густав-Адольф еще не отказался от мысли занять русский престол. В своих выступлениях новгородцы утверждали, что Густав-Адольф уже отпустил в Россию Карла-Филиппа и тот „ныне в дороге“¹. Еще Г. Замiatин отметил несоответствие утверждения новгородцев с действительностью, но он не попытался объяснить, чем это вызывалось. Если же учесть, что одним из главных мотивов избрания Карла-Филиппа Ярославским собором было его отсутствие в Новгороде, то мотивы, подталкивающие новгородцев на прямой обман, становятся ясными. Добиваясь признания вторым ополчением своего кандидата, они стремились устранить все, что этому мешало. Наконец, следует отметить деятельность посольства Никандра в Стокгольме, который, судя по его отпискам, всячески добивался скорейшего отъезда в Выборг Карла-Филиппа. Поэтому мы не можем согласиться с утверждением Г. Замiatина, что в вопросе о Карле-Филиппе „не Новгород потянулся к Ярославу, а наоборот“².

Если часть руководства второго ополчения вместе с Пожарским и ставила серьезно вопрос о Карле Филиппе, то новгородцы не просто выдвигали его кандидатуру, но всячески ее защищали.

Как же следует рассматривать утверждение нашей грамоты о том, что новгородцы, выполняя просьбу Пожарского, изложенную в грамоте, посланной с Сегериным, упростили Деллагарди послать против поляков и литовцев ратных людей, и что те „на большую пользу“ Московскому государству побили многих поляков? Из приведенных выше грамот можно сделать вывод, что действительно Пожарский просил об этом новгородцев и те выполнили его просьбу. Но какой был реальный результат действий Деллагарди против поляков, была ли Московскому государству от них „большая польза“? В имеющихся документах мы нигде не находим указаний о том, что со второй половины 1612 года и по 1615 год войска Деллагарди и новгородцев имели бы более или менее крупные сражения с поляками. Никаких походов против поляков Деллагарди тогда не предпринимал, а только таковые могли действительно помочь второму ополчению. Действия Деллагарди против поляков ограничивались только обороной нов-

¹ Акты Арх. Эксп., т. II, № 210.

² Г. Замiatин. „Новый летописец“. О сношениях между Ярославлем и Новгородом. Ж. М. Н. Пр. 1914 г., март, стр. 68.

¹ Действия Нижегород. Уч. Арх. Ком., т. II, стр. 249—255.

городской земли от набегов мелких польских отрядов. А впоследствии, когда в конце 1613 года начались военные действия между шведами и московскими войсками, Деллагарди даже пытался привлечь на свою сторону эти же польские отряды. Конечно, такие действия шведов не только не принесли пользы Московскому государству, но, наоборот, наличие шведов в Новгороде не дало возможности второму ополчению использовать в деле очищения Москвы от поляков ни военные силы, ни экономические ресурсы Новгорода.

Поэтому Москва в своем ответе решительно протестует против такого осуждения борьбы Деллагарди с поляками; она заявляет: «а помощи есмь себе от Якова некоторой не видели, кроме его неправд, а помещки нам Яков не чинил, потому не смог».¹

Но такое решительное отрицание помощи Московскому государству от Деллагарди имеет и другое основание. Ведь ничего не делается даром, и в Москве прекрасно понимали, что за свою «помощь» шведы потребуют при переговорах о мире солидную компенсацию. Поэтому те московские власти заранее постарались опровергнуть шведско-новгородский тезис о «большой пользе», принесенной Московскому государству действиями Деллагарди и новгородцев против поляков.

IV

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса о том, как грамота освещает действия новгородцев уже после избрания Михаила Романова. И здесь, для того, чтобы представить их в надлежащем свете, новгородцам пришлось не мало потрудиться при составлении грамоты, так как им было важно скрыть то обстоятельство, что, несмотря на избрание Романова, они до начала 1614 года продолжали стоять за Карла-Филиппа. Ведь в течение нескольких месяцев, с конца августа 1613 года по 12 января 1614 года, новгородские послы в Выборге не только упрямивали Карла-Филиппа занять новгородский престол, но даже в сентябре присягнули ему. А помимо этого в августе 1613 года было послано в Москву посольство Дионисия, в целях агитации за Карла-Филиппа.²

¹ Г. А. Ф. К. Э. «Шведские дела», 1615 г., № 2.

² В «С. П. Г. и Д.», т. 2, под № 284. Помещена грамота, привезенная в Москву посольством Дионисия. Редактор ошибочно датировал ее 1612 г.

Поэтому новгородцы постарались изобразить в грамоте дело так, что они узнали, да и то не вполне определенно, об избрании Михаила Федоровича от Деллагарди, когда тот сообщил им содержание грамот, посланных к нему Трубецким, т. е., не раньше конца апреля 1614 года, так как первая грамота Трубецкого к Деллагарди была послана с Андреем Хириным 9 апреля 1614 года.³

Киприян на распросе в Москве указывает, что узнали новгородцы государево имя в августе 1614 года.⁴ На самом деле новгородцы знали об избрании Михаила Федоровича еще в июне 1613 года, если не раньше. Об этом свидетельствует тот факт, что Эверт Горн, прибывший из Новгорода в Стокгольм в первых числах июля 1613 года, сообщил Густаву-Адольфу не только об избрании Михаила Федоровича, но и что Псков, Тихвин, Гдов признали его царем.⁵ Безусловно, что если об этом узнали шведы, то новгородские бояре не могли не знать об избрании Михаила Федоровича, тем более, что в первой половине 1613 г., при отсутствии военных действий, связь между Москвой и Новгородом поддерживалась довольно свободно.⁶ Правда, в Новгород не была послана официальная грамота об избрании Михаила Федоровича, и новгородские бояре, используя этот факт, пытаются в грамоте не только оправдать неведение свои действия, но по существу возложить ответственность за последующие осложнения на Москву. Оправдывая таким путем свои действия, направленные против Михаила Федоровича, новгородские власти пытаются далее доказать, что они старались принести пользу Московскому государству, уговаривая как Деллагарди, так и Трубецкого приступить к мирным переговорам. О том, чем вызывались попытки новгородцев, начавшиеся в начале 1614 года, добиться заключения мира между Швецией и Московским государством, мы уже говорили выше. Но Трубецкой их не послушался и в ответ на грамоту, посланную к нему с Иваном Филатовым, прислал с Хириным «раздизательные грамоты», продолжал наступление и подошел к Бронницам. Еще более «раздизательные грамоты» получены были

³ Г. А. Ф. К. Э. «Шведские дела», 1614 г., № 1.

⁴ Г. А. Ф. К. Э. «Шведские дела», 1615 г., № 2.

⁵ См. у Форстенга. Поляки Швеции в смутное время Ж. М. Н. Пр. 1889 г., октябрь, стр. 191—192.

⁶ Сборник Новгородского Общества Любителей Древности, кн. V, стр. 20—22. Расспросные речи двух купцов, прибывших в Новгород из Москвы 13 февраля 1614 года и показавших, что казаки хотят избрать царем Михаила Федоровича.

в Новгороде в ответ на вторичную просьбу о перемирии, посланную с тем же Хириним¹.

Следует сказать, что новгородцы очень удачно здесь используют то обстоятельство, что Трубецкой под Бронницами потерпел решительное поражение, прямо указывая на то, что если бы их послушались, то поражения не было бы.

V

Представляя действия новгородцев с 1611 года как действия людей, только выполнявших указания совета первого ополчения, а затем Пожарского и Трубецкого, и защищавших на протяжении „всей смуты“ интересы Московского государства, грамота излагает причины и цели посольства. В конце 1614 года в Новгород вместо Делягари прибыл Эверт Горн, который предложил новгородцам присягнуть Густаву-Адольфу, изложив это требование с подробной мотивировкой в особом письме, которое новгородцы назвали „письменными речами“².

В ответ на предложение Эверта Горна новгородцы упросили его не приводить их вскоре к крестному целованию и добились разрешения „сослатца“ с Москвой о „мирном постановении“³.

Предлагая московским „столпам земским“ упростить государя начать мирные переговоры, новгородцы ставят вопрос ребром: если переговоры о мире не начнутся до пасхи (срок, установленный Эвертом Горном), то они присягнут Густаву-Адольфу, а ответственность за неизбежное в этом случае продолжение войны падет на Москву. В этой части грамоты наиболее сильно сказалось давление Эверта Горна. Новгородскому правительству пришлось отказаться от упоминания целого ряда фактов, выгодных для них, но невыгодных для шведов. Да и формулировка цели и характера предлагаемого мира далеко не та, которую хотели бы иметь новгородцы. В грамоте совершенно не упоминается о целых трех попытках швед-

ских резидентов заставить новгородцев присягнуть Густаву-Адольфу⁴, на которые они ответили решительным отказом. Не указывается и на факты сопротивления, правда, недостаточно активного, оказанного новгородцами шведским оккупантам⁵.

Освещение в грамоте этих фактов, конечно, способствовало бы привлечению симпатии правительства Михаила Федоровича к новгородцам, но оно ослабило бы позицию шведов в предстоящих переговорах, являясь показателем того, что они не имеют в Новгороде поддержки среди населения. Новгородские послы — Киприян с товарищами постарались этот пробел заполнить при расспросах и на присягах, где они всячески расписывали героизм новгородцев, твердо отказавшихся присягать Густаву-Адольфу.

Наконец, ходатайствуя о мире, новгородцы объясняют необходимость мира только желанием прекратить кровопролитие и разорение церквей и земель новгородских, но совершенно не упоминают о том, что им нужен такой мир, на основе которого они оказались бы освобожденными от шведских оккупантов. Но эти свои чаяния новгородцы выразили в другой грамоте на имя Михаила Федоровича⁶, которую они, согласно показаниям в Москве Киприяна, привезли тайно от шведов⁷.

Очень характерно в грамоте заявление новгородцев о том, что если к сроку Московское правительство не начнет переговоров о мире, то они поцелуют крест Густаву-Адольфу. Это звучит как ультиматум. И, действительно, в Новгороде и шведы и новгородские власти прекрасно понимали, насколько важен будет этот козырь при переговорах посольства с Москвой.

Ведь в случае присяги Густаву-Адольфу, у правительства Михаила Федоровича не только отпала бы всякая надежда на возвращение Новгорода и его земель мирным путем, но и ухудшалась бы перспектива успешных военных действий против шведов, так как шведы смогли бы тогда получать от новгородцев значительную поддержку людьми, снаряжением, деньгами и пр. Этого же, при тогдашнем состоянии Московского государства, было бы вполне достаточно, чтобы заставить отказаться от второго похода против Новгорода.

¹ В июне 1614 года в Москве Боярами был вынесен приговор, согласно которому Трубецкому предлагалось вести с Делягари переговоры только при условии ухода им шведских войск из Новгорода и других русских городов. Приговор хранится в Г. А. Ф. К. Э. „Шведские дела“, 1614 г. № 1. Данные, приведенные в дитированной выше работе Форстеня, говорят о том, что Трубецкой предложил шведам покинуть Новгород.

² Это предложение Эверта Горна напечатано во втором томе Д. к. Акт. Ист. № 12. Датировано оно неверно.

⁴ Д. к. А. Ист., том 2, № 20—21.

⁵ См. Донес. Эверта Горна к Густаву-Адольфу от 12 декабря 1614 г. Сб. Новгород. Об-ва Любл. Древности, вып. V, стр. 38—39.

⁶ Г. А. Ф. К. Э. „Шведские дела“, 1615 г., № 2.

⁷ Там же.

В заключение отметим, что новгородское посольство добилось известных успехов. Михаил Федорович прощает их вину и обещает немедленно начать переговоры о мире. Московские власти посылают с Киприяном грамоту к Эверту Горну с изъявлением согласия на мирные переговоры.¹ И хотя эта грамота, составленная в высокомерном тоне, настолько не удовлетворила Эверта Горна, что он в своем доносении Густаву-Адольфу советовал отказаться от мирных переговоров,² а летом 1615 г. Густав-Адольф осаждает Псков, все же следует признать, что посольство Киприяна в Москву явилось исходным моментом последующих мирных переговоров, закончившихся Столбовским миром, согласно которого Новгород, Ладога, Ст. Русса и Гдов возвращались Московскому государству, а Ям, Ивангород, Копорье, Кексгольм оставались в руках шведов.

Московское государство снова оказалось отрезанным от Балтийского моря, и только Петру I удалось завоевать побережье Финского залива и вернуть тем самым территория, потерянные в 1617 г.

¹ Г. А. Ф. К. Э. „Шведские дела“, 1615 г., № 2.

² Сб. Новгородского Об-ва Любителей Древн., вып. V, стр. 47.

ГРАМОТА НОВГОРОДСКОГО МИТРОПОЛИТА ИСИДОРА И БОЯРИНА ОДОЕВСКОГО¹

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии господам бояром и окольными и чашникам и стольником и дворяном и дьяком и гостем и всяких чинов служилым и стрелецким людем Новгородского государства богомолец Исидор митрополит и игумены и весь освященный собор да Иван большой Одоевской и дворяне и дьяки и дети боярские и гости и пятиконецкие старосты и торговне и всяких чинов жилецкие люди челом бьют. В прошлом господа во 119 году июля во второй день писали из-под Москвы в Великий Новгород ко мне богомольту Исидору митрополиту и ко всему освященному собору да ко мне Ивану Одоевскому да к чашнику и воеводе к Василию Бутурлину и всяких чинов людем боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубетцкой с товарищи и всяких чинов люди. И приговору своего список за своими руками в Великий Новгород прислали с Иваном Баклаповским, которой приговор царевичи разных государств и бояре и всяких чинов служилые и жилецкие люди утвердили за руками, советовав не одич день, о обирание на Российское государство государем царем и великим князем всеа Русии Свейского королевства государя королевича. И по тому приговору велено чашнику и воеводе Василию Ивановичю Бутурлину королевского величества з бояряном и большим ратным воеводою съ Яковом Пуитосовым Делгардом съезжаться и договаривать. И съ Яковом Пуитосовым Василий съезжался многижда, и дворня посылаи, и договор у них по тем съездам не свершился не веддем для чего. А после того мы королевского величества от боярина от Якова Пуитосовича уразумели, что де Василий Бутурлин о деле том николи прямо не радел, но больше не дружбы и развизанья созидал, и тое де ради причины

¹ Список с грамоты, написанный скорописью столбцом на 26-ти ранее склеенных вместе листах. В верхней части первого листа пометка: „Полонная послана з государевым послым з Жи... з Даниилом Губитным молбра в 4-й день“. Хранится в Г. А. Ф. К. Э. „Шведские дела“, 1615 г., № 2.

боярин Яков Пунтосович и учал над Новымгородом промышляти. Июля в 16-й день королевского величества боярин Яков Пунтосович Делегард в Великом Новгороде на Софейской стороне острог взятыем взял. А Василий Бутурлин и ратные люди в приход Якова Пунтосовича пограбят ряды на Торговой стороне все и стада градские и монастырские отогнав, оставя нас в конечной погыбели, и сам с казаки из Новгорода побежал. И то ради причины мы всяких чинов люди Новгородского государства, которые остались в то время с Яковым Пунтосовичем, учали сговариватися, припомяная тот с Москвы к нам присланной приговор за руками. И хотя уявити наирасно проливаемую кровь крестьянскую и до конца Новгородскому государству не хотя видети разорения, с Яковым Пунтосовичем о каменном городе и о Торговой стороне договорились и укрепились крестным целованнем и святым евангелием, с клятвою и записьюми и за руками и за печатями на том, что бити челом нам Новгородским всяких чинов людям Свейского королевства государю королю Карлусу Густаву Густавовичю, чтобы его королевское величество пожаловал бы на Новгородское государство, также, будет похотит, на Владимирское и на Московское государство, государем царем и великим князем всеа Русия, из дву сынов своих государей королевичей князя Густав-Адольфа Карлусовича или князя Карлуса-Филиппа Карлусовича, и о иных государственных делех.

И после того утверженья под Москву к бояром и ко всей земли мы о том о всем писали не одинаво, и списки с утверженных записей с Дмитрием Зелениным послали: и в прошлом же господа 120 году из Ярославля бояре и воеводы, и по избранью всех чинов людей у ратных и у земских дел стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской и всяких чинов люди королевского величества с боярином и большим ратным воеводою с Яковым Пунтосовичем Делегардом и с нами новгородскими всяких чинов людьми о государе королевиче ссылались многижда и с посланники ссысами Стефаном Татищевым да с Перфирьем Секериним о том писали, что оне того прежнего присланного приговору держатца, и нашего совету не прочь. А ко государыне бы Свейского королевства королеве и великой княжине Христине и к челеможному и высокороженному государю королю Густаву-Адольфу Карлусовичю посылати о государе королевиче бити челом. И чтоб королевского величества боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делегарде и нам Новгородским всяких чинов людям с ними бояры и всяких

чинов людьми на польских и на литовских людей стояти вместе за один, и бити о с ними меж себя в любви и в покое и войны не вчинати. И с Москвы бояре и воеводы и по избранью всех чинов людей Российского царствия боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской и всяких чинов люди с Богданом Дубровским писали в 121 году гевяря в 19 день, чтоб мне Ивану Одоевскому советовати королевского величества с боярином с большим ратным воеводою с Яковым Пунтосовичем, чтоб нам со всем Московским государством бити в любви и в соединении. И мы господа всех чинов новгородские люди по тем ссылочным грамотам и припомяная прежней присланной приговор, что прислан во 119 году Свейского королевства ко государыне королеве и великой княжине Христине и ко государю королю Густаву-Адольфу Карлусовичю о государе королевиче бити челом послали. А памятуя одну с вами природу и православную свою христианскую веру греческаго закону, и хотя всякого добра о отчине своей бити челом королевского величества боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делегарде, во многие времена, чтоб Яков Пунтосович над польскими и литовскими людьми, которые воевали в Российской земле, промышлял, а Московскому государству тем бы помочь учинил. И по нашей советной с вами посылке и покорному челобитию государь королевич пресветлейший и высокороженной и великий князь Карлус-Филипп Карлусович в те поры в Выбор пришел, и в Выборе стоял долгое время. А от вас полномочные послы его пресветлейшеству не бывали. И Яков Пунтосович по нашему челобитию на польских и литовских людей во многие места немецких ратных людей высылал, и польских и литовских людей по милости божией во многих местах побивали многих, про которые побойки и вам ведомо. И то Московскому государству учинилось на большую пользу. И из Новгорода к вам бояром и ко всяким людям Московского государства мы посылали о земских о добрых делех напомяная прежней свой с вами совет и ссылки многих посланников, и тех наших посланников к нам в великий Новгород не отпустили, но противно преславному хрестьянскому обычаю в заключение засадили и иных порознь в бедность сослали, и отповеди против наших грамот не учинили неведомо для чего. И потому, в Новгородском уезде во многих местах казаки уездным людям всякое недобро чинили, многих дворян и детей боярских и иных людей побивали, и из животов мучали и грабили, и жен их и дочерей безчестили,

И мы всяких чинов люди чаяли того, что в Новгородском уезде уездным людям такое неприятельство чинят собирая какие воры, а не Московского государства люди, потому что казаки чинили насильства и беду такие, чего и бесерманы не чинят. И потом мы в Великом Новгороде всяких чинов люди уведали, что в Новгородском уезде ходят с казаки воеводы Московского государства. А не по многом времени и про боярина про князя Дмитрея Тимофеевича Трубетцакого с товарищи уведали, что оне с ратными людьми идут к великому Новгороду и о том мы новгородские всяких чинов люди попремногу оскорбели, для чего мимо прежних ссылок, про которые выше сего писано, и не памятуя нашего многого сердечного доброго попечения о отечестве своем, такое невоинное христианское кровопролитие и бездостоинные отповеди вечалось кабы к злым и отказанным неприятелем, и от тое войны в Новгородском уезде многое разоренье конечное и пуста учинилась. А королевского величества боярин и большой ратной воевода Яков Пунтосович Делегард сказывал нам всяких чинов людям, что к нему к Якову Пунтосовичю писали бояре князь Дмитрей Тимофеевич Трубетцкой и из иных мест воеводы многие непригожие и раздизательные статьи. И про государя де в тех грамотах своих к нему писали, что на Российском государстве государем учинился государь царь и великий князь Михайло Федорович. И по тем де раздизательным грамотам он, Яков Пунтосович, того в прямое дело не ставил, что на Российском государстве наперед сего велось, как оберут на Российское царствие государя, и про его государство объявляют во все государства, не токмо что в государства Российского царствия, но и в окрестные государства. А нынешний государь царь и великий князь Михайло Федорович Свейского королевства к государю королю Густаву-Адольфу Карлосовичю о государстве своем послов обестити не послал. А вы бояре в Новгородское государство королевского величества к боярину к Якову Пунтосовичю Делегарду и к нам всяких чинов новгородским людям достойным обычаем, а не раздизательными делы, потому ж обестити не прислали. А для господа престатия пролитие невоинные крове христианские, и чтоб большого кровопролития христианского не вчиняти, писали мы от себя к боярину и к воеводе ко князю Дмитрею Тимофеевичю Трубетцкому да к окольному и воеводе ко князю Данилу Ивановичю Мезетцкому с посланником их с Васильем Молотяиновым, чтоб оне не обослався с Яковом Пунтосо-

вичем к Новгороду не ходили, а обослався с Яковом Пунтосовичем о добром посредии для того, как лучитца притти блиско Новгорода Московского государства ратным людям, а с Яковом Пунтосовичем в Великом Новгороде и по городом ратные люди разных земель и по прежнему нашему челобитью, как мы наперед сего за Московское государство о помогании на польских и литовских людей Якову Пунтосовичю били челом. И нам от его королевского величества боярина и от ратных людей быти во злом мнении, да и потому, что от нас на Великого Новгорода отъезжали многие дворяне и дети боярские. И немецким людям потому наипаче помнитца то, что к Новгороду ратных русских людей мы правели, а за те статьи в приход к Великому Новгороду Московского государства ратных людей мы новгородские всяких чинов люди и до сущих младенцев от немецких людей чаяли смертного посеченья, так же как и на Москве при польских и литовских людех учинилось, и боярин князь Дмитрей Тимофеевич Трубетцкой и стольничей князь Данила Иванович Мезетцкой на ту нашу грамоту нам отповеди не учинили, и королевского величества з боярином и з большим ратным воеводою с Яковом Пунтосовичем Делегардом о добром посредии не обослався. Но по малом времени Московского государства воеводы и ратные люди пришли на Московскую на большую дорогу блиско Новгорода, не поразсудя о погублении Новгородского государства тем своим приходом по нашей ссылочной грамоте, что мы писали с Васильем Молотяиновым, или как бы ищучи наше конечные погубели, кабы над неприятели и с немецкими ратными людьми учали задоры чинити и награсное кровопролитие вчиняти, забыв наше прежнее природное во многие времена попечение о отечестве своем. И противу того навели они на нас королевского величества боярина и большого ратного воеводу Якова Пунтосовича и немецких ратных людей мнение, кабы оне по нашему совету и по ссылке туте пришли. И мы новгородские всяких чинов люди по такому задору и наведенному мнению по всяк час в Новгородском государстве себе и до сущих младенцев посещения чаяли, как и наперед сего при польских и литовских людех учинилось, только б королевского величества боярин и большой ратной воевода Яков Пунтосович по тому наведенному мнению, а не по своей бы милости над нами учинил, и мы б в те поры злою смертью погубили. И видя такую свою предстоящую конечную погубель, и разсужая, которы мобычаем и от чего наперед сего при польских и литовских людех Московское

государство погубило, и не хотя Новгородское государство в таком же разорении и церковей божиих в заустении и многие певниные души в посечении видети, били мы челом королевского величества боярину Якову Пунтосовичю, чтоб нас пожаловал и по такому изведенному мнению над нами, некоторого зла учинити не велел, и поволил бы нам еще Московского государства с воеводой сослаться. И королевского величества боярин Яков Пунтосович по тому мнению над нами ничево лихо учинити не велел, и поволил нам по нашему челобитью с московскими воеводами, которые на московской большой дороге стояли, сослаться, и мы посылали к ним поугородцы посадцкого человека Ивана Филатьева и с ним писали, чтоб им попоминти единоверетвие и природу с нами, и своим бы задором наше погубили и до сущих младенцев невинных кровопролития не взыскали. Но обослалися королевского величества с боярином и большим ратным воеводою с Яковом Пунтосовичем Делегардом посла или посланники, и взыскали бы подобное посредие, чем бы такое напрасное кровопролитие отвратити и мирное постановление подучити. И те господа возводи к нам по той нашей ссылке с нами никакже же отловеди достойные не учинили. А писали к нам в Новгородское государство ко всяких чинов людям против той нашей ссылке боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубеткой с товарищи с посланником своим с Андреем Хириным, а Ивана Филатьева с ним же к нам отпустили. И ис той господа мы грамоты никакого добра к покою и к тишине и к престави крови христианские не обрели, но больше к раздизанию и кровопролитию, а не к доброму соединению писано, и многие невинные статьи на нас всяких чинов людей Новгородского государства возложили неправедно, в чем мы передо всем Российским государством невинны, не дославивши того, что у нас в Новгородском государстве на те наведенные на нас невинные на все статьи есть ссылочные грамоты и приговор за многих бояр и всяких чинов людей руками. Да и самим вам про то достаточно ведомо, да не токмо вам, но и во окрестных государствах про то чашем ведомо же, что мы передо всем Российским государством ни в чем невинны, но токмо о природе своей наперед всего во многие времена всякое доброе попечение имели, и ныне печемся. Да в той же своей грамоте к нам писали и похвалялися, что им над нами промышляти. И мы всяких чинов люди то их похваление на нас возложя на праведные судьбы создателя всяческим Христа бога нашего, и не помятуя того, их к себе неправедного

наведения и грубости не хотя в раздизании отечеству своему конечные погубили видети, били челом его королевского величества боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делегарду, чтоб он нас пожаловал начатое свое добро к Российскому государству совершил, того присланного письми в раздизание конечное не ставил, и поволил бы нам с ними бояры о добром посредии меж государств еще сослаться. И по тому своему многому челобитью королевского величества у боярина Якова Пунтосовича упрое о том повольность, писали к боярину ко князю Дмитрию Тимофеевичю с товарищи с Андреем Хириным, чтоб оне доброхотю наш совет о отечестве своем приняли, и доброго посредия взыскали, как бы хрестьянская кровь уняти и покойное житье меж государств получить. И боярин князь Дмитрий Тимофеевич с товарищи в того нашего совету не приняли, и не по многом времени пришли на Бровнич, кабы исполнили нам конечную погубель и многое кровь невинная меж ратных русских и немецких людей на Бровничех пролилася, которая кровь крестьянская mocno было добрым посредием, аще ли бы доброй совет во время приняли, уняти. И потом его королевского величества боярин и ратной воевода Эверд Карлусович Горн от его королевского величества всею полною мочью прислан в Великий Новгород. И в нынешнем господа во 123 году королевского величества боярин и ратной воевода Эверт Карлусович Горн в Великий Новгород приехал, а приехав говорил нас Исидору митрополиту и всему освященному собору да нас, Ивану Одоевскому, и дворяном и дьяком и всяких чинов служилым и жилецким людям всего Новгородского государства, и дал письменные речи, а в тех его письменных речах писано: припомяная блаженный памяти государя короля Карлуса Густанича и нынешняго владеющего его королевского величества ко всему Российскому государству доброе попечение и вспоможение, и как на Новгородское государство, также, будет похотят, на Владимирское и на Московское государей отпущен был вельможного короля Густава Адольфа Карлусовича сердолобительный брат государя королевича пресветлейший и высокороженный великий князь Карлус-Филип Карлусович. И как Московского государства люди от своего прежнего приговору отстали и обрели себе иного государя и не обослалися с Свейском королевством явную войну зачали, а из Новгорода многие люди отъезжают и изменяют. И того де для иных ради многих тяжких причин государь королевич Новгородского государства поступился его королевскому вели-

честву, занеже его королевское величество Ноугородское государство ото всяких недрузей польских и литовских и русских людей, по милости божией по ся места многими протори оборонял и вперед такоже обороняти хочет. И нам бы Ноугородского государства людем его королевскому величеству и их наследником целовати ныне крест, а свейских королей имети прямыми государи и король во века неподвижно, и обет бы Ноугородскому государству с Свейским королевством, якоже Литовское государство Польскому королевству. И яз митрополит Исидор и весь освященный собор и яз Иван Одоевской и дворяни и дьяки и всяких чинов люди Ноугородского государства советовав меж себя били челом королевского величества боярину и ратному воеводе Эверт Карлусовичу Горну, чтоб боярин и ратный воевода Эверт Карлусович Горн пожаловал нас к крестному целованию на государево на королево имя вскоре привести не велел, и поволит бы нам всяких чинов Ноугородского государства людем для доброго посредия меж государств сослатися с вами, бояры, чтоб по милости божией меж государств мирное постановление и тишину и покой и всякие христианские крови пролития престатие получитьи. И королевского величества боярин и ратной воевода Эверт Карлусович Горн говорил нам, что де наперед сего из Великого Новгорода королевского величества боярин и большой ратной воевода Яков Пунтусович Делегард в Московское государство о добром посредии меж государств писал многижда. Да и мы де всяких чинов ноугородские люди о том же к вам, боярам, писали ж многижда. И против де тех всех посылок о добром посредии с Москвы никакой достойный ответ не бывал. А ныне нас ноугородских всяких чинов людей боярин и ратной воевода Эверт Карлусович Горн по нашему челобитью на государево на королево имя к крестному целованию вскоре привести не велел, и поволит нам с вами, бояры, о добром посредии меж государем ныне еще последнее сослатися и писать, и положила той ссылке срок нынешнего 123-го году Христов день. А будет до того сроку о добром посредии меж государств ссылка не будет, и посланников наших ноугородских по прежнему не отпустите, и Ноугородского государства всяких чинов людем Свейского королевства государю королю Густаву-Адольфу Карлусовичу на тот срок крест целовати. И вам бы, господам великим, боярам, памятуя с нами единую православную христианскую веру греческого закона, и природу и наш доброт и сердечное пожелание о природе своей как мы во многие времена о всяком добром деле и о отече-

стве своем попечения имели, били челом государю царю великому князю Михаилу Федоровичю, чтоб он, государь, с Свейского королевства с велеможным королем Густавом-Адольфом Карлусовичем до этого сроку обосладе послы или посланники о добром посредии меж обеих государств, чтоб учинити мирное постановление и многая б крестьянская кровь уняти, и богомолье и честные обители и святые божии церкви и святые чудотворные мощи в конечном разорении б не были. И мы б все православные крестьяне невинные люди от мала и до велика меж государей в немирное постановление до конца не погибли, и для ради уездных крестьян, которые ни х какой вине недостойны, по только что в нынешние воинское время безвинно эле стражут и в домах своих не живут и всякими муками и смертью кончают, и чтоб тем мирным постановеньем получитьи меж государств доброе и безмятежное житие и крови христианские с обе стороны напрасно проливаемые престатие видети... ото всего Ноугородского государства для того великого и божьего и земского дела послали мы к вам изо всех чинов людей Спаского Хутицы монастыря архимандрита Киприана да дворян Якова Боборыкина да Матвея Муразьева да посадских людей Максима Корзихина да Ивана Дмитриева. И вам бы господа однолично ныне доброе советное припоминание, которой природе нашей на доброе созидание пристойт, во время приняти и о добром посредии меж государств пожелание имети, и государю о том мирном постановеньи быти бы вам ходатаем неотступно, чтоб до того предиреченного сроку о добром посредии меж государств поволит бы государь вам сослатися. А будет господа вы нынешняго нашего доброхотного совету о таком великом божиим земском деле не воспримете и королевского величества з боярином и ратным воеводою с Эверт Карлусовичем Горном до того сроку о добром деле не сошлется и доброго посредия к мирному постановенью не възыщете и за то не приметесь и посланников наших по прежнему не отпустите — и мы по том сроке чистыми душами велеможному и высокороженному князю и государю Густаву-Адольфу Карлусовичю крест поделуем. Занеже его королевское величество за нас стоит и ото всяких недрузей по ся места оборонял, и вперед по милости божией обороняти хочет. Да и сами можем то разумети, доколе мы Ноугородского государства люди не будем под ведомым и стоятельным государем, кем надо нам мочно оборонным быти, и нам в миру и спокое не живати. И пишем к вам сие последнее о сем и которая будет

кровь крестьянская меж обеих государств вперед для вашего несоветия прольется, и великие христианские святыни разрушатся и всего того бог взыщет на вас, потому что вы великие бояре именуется столпы земские, всегда у государя упрашиваете о мирном постановеньи, чтоб христианская кровь не лилась и честные святыни христианские нерушимы были, вам за то дати богу ответ, паче же за многие тьмы душ христианских, аще ли что греховно учинится для вашего несоветия, а мы от того будем чисты.
